

Технологические платформы в российской версии: инновационный прорыв или повторение пройденного?

В статье рассматривается новый крупный российский проект в инновационной сфере — «технологические платформы». Анализируется, предоставляет ли отечественная версия технологических платформ такие же инновационные возможности как панъевропейская модель, принятая в российских управленческих решениях в качестве исходного образца. Показывается, что в основе жизненного цикла двух моделей лежат принципиально разные побудительные движущие силы — драйверы. Подмена исходных драйверов в российской версии влечет ряд негативных последствий и рисков. Среди них — разрывы в контурах инновационной мотивации, подавление созидательных стимулов коррупционными, имитационными и монопольно-рентными возможностями. Все это позволяет ответить на вопрос, станут ли технологические платформы в российской версии инновационным прорывом или повторением пройденного.

Ключевые слова: технологические платформы, драйверы, риски, инновационные контуры, госкомпания, административная модель, «тяга спроса».

И нновации и новые технологии стали сквозной темой большинства из двадцати восьми проведенных к настоящему моменту заседаний комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России, созданной при Президенте Российской Федерации в 2009 г. [1, 2]. На этих заседаниях и предшествовавшем им совещании по вопросам модернизации [3] Президентом сформулирована цель преодоления зависимости страны от сырьевого экспорта и построения инновационной экономики.

Существенной проблемой на пути достижения поставленной цели является слабая отдача в России прогрессивных методов, моделей и механизмов стимулирования инновационной деятельности, успешно используемых в мировой практике. Как отметил Президент на упомянутом совещании по вопросам модернизации и технологического развития экономики в Горках [3]: «Основная проблема заключается в том, что, несмотря на правильные программные установки, никаких существенных изменений в технологическом уровне нашей экономики не происходит. ...Пока не показали серьезных результатов ни малые фирмы, которые мы пытались и пытаемся создавать, ни технопарки, ни различного рода центры трансфера технологий, всякого рода новые формы, которые мы пытаемся использовать, ни Российская венчурная компания, ни технико-внедренческие особые экономические зоны. Все это в основном, надо признаться откровен-

Л. В. Оболенская,
к. т. н., ведущий научный сотрудник,
ФГБНУ «Центр исследований и статистики
науки» (ЦИСН)
e-mail obolenskayalv@gmail.com

но, существует только на бумаге». Иными словами, наметилась негативная тенденция, когда хорошо зарекомендовавшие себя за рубежом модели поддержки инновационной деятельности, в российских версиях оказываются неработоспособными.

Проецируя эту негативную тенденцию на очередной крупный российский проект в инновационной сфере — «технологические платформы» [4, 5], правомерно задаться вопросом о его перспективах. Станут ли технологические платформы в сегодняшней российской версии долгожданным прорывом в инновационно-технологическое будущее или же существуют объективные предпосылки проявления негативной тенденции? Своевременный ответ на этот вопрос особенно актуален вследствие: 1) больших ожиданий, возлагаемых на эти потенциально перспективные структуры национальной инновационной системы (НИС); 2) масштабности данного проекта, в рамках которого будут определяться приоритетные направления финансирования; 3) высокой степени неопределенности и отдаленности конечных результатов, характерных для долгосрочных рискованных НИОКР, составляющих основу инновационной деятельности технологических платформ. Чтобы избежать очередных неоправданных ожиданий, неэффективно израсходованных ресурсов и упущенного времени, полезно еще на стадии запуска российской версии технологических платформ проанализировать риски, способные помешать ее успешной реализации.

Следует отметить, что отправной точкой создания российских технологических платформ (РТП) послужила панъевропейская модель. Концепция и обобщение опыта действующих панъевропейских технологических платформ (European Technology Platforms, или ЕТП) представлены в ряде докладов Европейской Комиссии (см., в частности, [6–10]). В русскоязычных источниках первые упоминания ЕТП относятся, по-видимому, к 2005–2006 гг. [11–13]. В этих работах освещается их место в новой экономической политике ЕС. В развитие данной тематической линии, с начала 2007 г. нами проводились разноаспектные исследования модели технологических платформ, что нашло отражение в серии научных публикаций (см., например, [14–16]). Сюда вошли вопросы анализа опыта ЕТП с целью выявления общезначимых ориентиров, представляющих интерес и для России. Затрагивались такие аспекты европейской модели как назначение, понятийная сторона, концептуальная подоплека, диапазон задач, а также организационно-субъектная основа, этапы жизненного цикла, принципы и механизмы финансирования платформ. В контексте разработки предложений для России проводились сопоставления европейской модели платформ с другими управленческими решениями, нацеленными на крупные инновационные прорывы на основе новых технологий. Объектами сопоставлений стали, в частности: система критических технологий; ВИПы — «важнейшие инновационные проекты государственного значения»; отечественная версия платформ, возникшая в рамках интеграции с 7-й Рамочной программой Евросоюза (РП7)¹; российская модель госкорпораций, созданная в рамках закона о некоммерческих организациях и включающая «Ростехнологии», «Росатом» и «Роснотех»².

Данная работа является продолжением этого тематического вектора применительно к сегодняшней российской версии технологических платформ. Будет проанализировано, предоставляет ли отечественный проект технологических платформ такие же возможности в НИС как европейская модель, принятая в российских решениях в качестве исходного образца. В основе анализа лежит выявление различий в профилях драйверов моделей и связанных с ними рисков отечественной версии.

Под драйверами в работе понимаются ключевые факторы, или движущие силы, побуждающие экономических субъектов (например, лидеров-организаторов платформ) к выбору тех или иных вариантов и стратегий поведения. Чтобы проанализировать различия в профилях драйверов российской и европейской моделей платформ, потребуется ввести нижеследующую классификацию, опирающуюся на ряд отличительных признаков. Первый из вводимых классификационных признаков драйверов отражает категории экономиче-

ских субъектов. Здесь в первую очередь необходимо различать экономических субъектов, представляющих сторону «предложения» научно-технологических знаний и сторону «спроса». По признаку принадлежности к этим категориям экономических субъектов рассматриваются две группы драйверов: «драйверы стороны предложения» научно-технологических знаний и «драйверы стороны спроса». Следующий классификационный признак драйверов — соответствие целям экономического развития. По данному признаку будем выделять «созидательные драйверы» и «деструктивные драйверы» (наиболее распространенный случай — коррупционные). При этом целесообразно различать «драйверы потребностей, или мотивационные» и «драйверы возможностей». Чтобы исследовать причинно-следственные связи драйверов, потребуются рассматривать: «первичный драйвер», служащий активатором, причиной возникновения другого драйвера, и «вторичный драйвер», активизируемый под воздействием первичного. Для параллельно действующих драйверов необходимо учитывать эффекты влияния одних драйверов на другие. В частности, эффекты замещения. Такой классификационный признак требует выделения драйверов «замещающих» и, соответственно «замещаемых».

Анализ драйверов и рисков отечественной версии технологических платформ позволит ответить на вопрос, велики ли ее шансы стать инновационным прорывом и переломным моментом в тенденции неработоспособности внедряемых зарубежных аналогов.

1. Лидерство и профиль драйверов европейских технологических платформ

Анализ вышеупомянутых европейских источников [6–10] позволяет сделать следующие выводы в отношении специфики лидерства и побудительных драйверов создания панъевропейских технологических платформ, послуживших отправной точкой для России.

Роль лидерства в европейской модели платформ отводится стороне спроса, то есть потребителю научно-технологических знаний. Лидерами, или инициаторами создания технологических платформ в ЕС выступают, как правило, ведущие отраслевые компании частного бизнеса, различные объединения промышленных производителей, представители которых входят в так называемую группу высшего уровня (High Level Group).

При таком характере лидерства в основе жизненного цикла ЕТП лежат две группы «созидательных» драйверов.

Первая из них — «мотивационные драйверы». Здесь главную роль играет такой побудительный фактор как производственная и рыночная необходимость в упреждающем реагировании на будущие конкурентные вызовы. Именно этот драйвер побуждает европейский бизнес выступать в роли инициатора создания платформ и осуществлять частные вложения в долгосрочные рискованные исследования и разработки (ИиР), т. е. на ранних стадиях инновационного цикла.

¹ Во избежание путаницы следует подчеркнуть, что эти структуры, предназначенные для контактов с РП7 [17], не имеют отношения к сегодняшней официальной версии российских платформ, отобранных в рамках конкурса Минэкономразвития России [4] и утвержденных решением Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям [5].

² С марта 2011 г. госкорпорация Роснотех реорганизована в ОАО Роснано [18].

Вторая группа — «драйверы возможностей». Эта роль отводится механизмам кооперации, помогающим: 1) обращаться к инновационно-исследовательским³ задачам стратегического уровня, недоступным отдельным предприятиям и компаниям; 2) снижать частные риски и оптимизировать затраты ранних стадий инновационного цикла. В отличие от мотивационных драйверов, лежащих в истоке причинно-следственной цепочки, названные драйверы возможностей формируются как результат организации платформ. ЕТП возникают на базе неформальных сетевых обсуждений в результате самоорганизации бизнеса и других субъектов НИС. Процесс формирования этих структур развивается постепенно, начиная с 2001 г. и по настоящее время.

В отношении защищенности инновационных контуров в европейской модели платформ от «деструктивных драйверов», отметим следующее. Защитным механизмом от нецелевого использования средств, предназначенных для инновационно-исследовательской деятельности, в рассматриваемой модели служит отсутствие предпочтений в доступе к государственным источникам финансирования. Этот принцип реализуется на фоне понимания, что деятельность платформ может потребовать развития или адаптации принятых механизмов финансирования. Подход Еврокомиссии целесообразно продемонстрировать на примере двух значимых для платформ источников финансирования.

Первый такой источник — ресурсы Седьмой рамочной программы ЕС. Один из четырех блоков этой программы «Кооперация» тематически и структурно адаптирован к приоритетам платформ. Однако такой способ учета приоритетов ЕТП не сопровождается предпочтениями в процедурах отбора конкурсных проектов и подведения итогов. Платформы участвуют в конкурсе наравне с другими претендентами, представляющими проекты, не связанные с платформами.

Второй используемый платформами источник финансирования, на котором хотелось бы заострить внимание — Европейский инвестиционный банк (ЕИВ). Начиная с 1990-х гг., объем ссуд, предоставляемых банком на исследовательские проекты, заметно вырос. Инициатива ЕИВ «Инновации 2010» идентифицирует исследования как приоритетную сферу. Тем не менее, ресурсы, которые могут быть предназначены проектам с более высоким профилем риска, чем основной кредитный портфель этого банка, остаются недостаточными. Чтобы содействовать увеличению объемов частного инвестирования в проекты такого рода, Еврокомиссия и ЕИВ разработали новую инвестиционную схему — «механизм финансирования с разделенным риском» (RSFF). Этот механизм облегчает доступ к заемному финансированию для реализации крупных рискованных ИиР-проектов. Именно в данную категорию входят многие проекты ЕТП. Однако это не означает, что участники платформ будут иметь привилегированный доступ к новому финансовому механизму в ущерб другим возможным претендентам.

В отношении ключевой роли приоритетов платформ в НИС можно отметить следующее. Анализ профиля драйверов показывает, что основу европейской модели технологических платформ составляет «тяга спроса». Подчинение выбора инновационно-исследовательских приоритетов в такой модели целям конкурентоспособности позволяет расценивать их как: 1) «окна возможностей» со стороны рынка для достраивания технологических коридоров; 2) ориентиры со стороны спроса для «разворота» технологического предложения в направлениях конкурентных прорывов.

2. Характер лидерства в российской версии технологических платформ

Для последующей оценки драйверов в российской версии технологических платформ и проведения сопоставлений с европейским аналогом, проанализируем специфику лидерства. Анализ показывает, что по характеру лидерства в перечне российских технологических платформ [5] можно выделить шесть их категорий (см. табл. 1):

1. Платформы, инициированные госкорпорациями (ГК) Ростехнологии (или ее дочерними компаниями), Росатом, ОАО Роснано.
2. Платформы, инициированные ГК Ростехнологии (или ее дочерними компаниями), ГК Росатом, ОАО Роснано совместно с государственными НИИ, вузами и компаниями.
3. Платформы, инициированные государственными НИИ, проектными институтами и вузами.
4. Платформы, инициированные государственными НИИ, вузами, учреждениями и компаниями⁴.
5. Платформы, инициированные в основном государственными компаниями.
6. Платформы, инициированные бизнес-структурой или ассоциацией, включающей бизнес-структуры (две платформы).

Отметим, что в рамках представленной градации госкорпорации Росатом, Ростехнологии и ОАО Роснано, созданные (в отличие от других госкомпаний) в рамках закона о некоммерческих организациях, выделены в отдельную группу.

Представленная в табл. 1 картина лидерства в РТП позволяет увидеть их главное исходное отличие от европейской модели. Если в ЕС инициатором создания платформ является частный бизнес, то в российской версии функции лидерства в выборе названия и организации платформ берут на себя в основном государственные НИИ и вузы, а также компании и корпорации с полным или преимущественным государственным участием. Разница в подходах к лидерству влечет принципиальные отличия мотивационных драйверов в европейской и отечественной моделях технологических платформ.

³ Здесь и далее под «инновационно-исследовательскими» понимаются «инновационные» задачи (деятельность, приоритеты и др.), связанные с проведением ИиР.

⁴ Здесь и далее «государственные компании, или госкомпании» — компании, принадлежащие или подконтрольные государству.

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Таблица 1

*Характер лидерства в российской версии технологических платформ
(Источники: [4], [5], а также официальные сайты госкомпаний-инициаторов создания российских технологических платформ)*

1. Платформы, инициированные ГК Ростехнологии (или ее дочерними компаниями), ГК Росатом, ОАО Роснано	
Название технологической платформы	Основные инициаторы создания технологической платформы
Замкнутый ядерно-топливный цикл с реакторами на быстрых нейтронах (под № 11 в утвержденном Перечне)	Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»
Управляемый термоядерный синтез (№ 12)	Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом».
Радиационные технологии (№ 13)	Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом».
Развитие российских светодиодных технологий (№ 7)	Открытое акционерное общество «Роснано». Владелец 100% акций «Роснано» – Российская Федерация в лице Росимущества [19]
Применение инновационных технологий для повышения эффективности строительства, содержания и безопасности автомобильных и железных дорог (№ 18)	Открытое акционерное общество «Роснано»
Национальная программная платформа (№ 4)	Открытое акционерное общество «Концерн «Сириус» (ГК «Ростехнологии»).
СВЧ-технологии (№ 26)	Открытое акционерное общество «Росэлектроника». 94,7% акций ОАО «Российская электроника» принадлежит ГК «Ростехнологии» [20]
2. Платформы, инициированные ГК Ростехнологии (или ее дочерними компаниями), ГК Росатом, ОАО Роснано совместно с государственными НИИ, вузами и компаниями	
Название технологической платформы	Основные инициаторы создания технологической платформы
Технологии мехатроники, встраиваемых систем управления, радиочастотной идентификации и роботостроение (№ 25)	1. Открытое акционерное общество «Роснано». 2. Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский физико-технический институт (государственный университет)». 3. Государственное научное учреждение «Центральный научно-исследовательский и опытно-конструкторский институт робототехники и технической кибернетики»
Биоиндустрия и биоресурсы - БиоТех2030 (№ 2)	1. Открытое акционерное общество «РТ-Биотехпром». 100% акций ОАО «РТ-Биотехпром» принадлежит ГК «Ростехнологии» [21]. 2. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова»
Материалы и технологии металлургии (№ 21)	1. ГК «Ростехнологии»*. 2. Открытое акционерное общество «РТ-Металлургия». ОАО «РТ-Металлургия» входит в ГК «Ростехнологии» [22]. 3. Федеральное государственное унитарное предприятие «Всероссийский научно-исследовательский институт авиационных материалов». 4. Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»
Авиационная мобильность и авиационные технологии (№ 8)	1. Государственная корпорация «Ростехнологии». 2. Федеральное государственное унитарное предприятие «Центральный аэрогидродинамический институт им. проф. Н.Е. Жуковского». 3. Открытое акционерное общество «Объединенная авиастроительная корпорация». Государству принадлежит 83% акций ОАО «ОАК», ГК Внешэкономбанку – 9,9% [23]
Новые полимерные композиционные материалы и технологии (№ 20)	1. Открытое акционерное общество «Роснано» (организация-координатор, добавленная в утвержденный перечень [5] в сравнении с исходным перечнем организаций-инициаторов [4]). 2. Федеральное государственное унитарное предприятие «Всероссийский научно-исследовательский институт авиационных материалов»
3. Платформы, инициированные государственными НИИ, проектными институтами и вузами	
Название технологической платформы	Основные инициаторы создания технологической платформы
Биоэнергетика (№ 3)	Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
«Медицина будущего» (№ 1)	Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Сибирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации
Технологии добычи и использования углеводородов (№ 23)	Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный университет нефти и газа им. Г. М. Губкина (Национальный исследовательский университет)
«Национальная космическая технологическая платформа» (№ 9)	1. Федеральное государственное унитарное предприятие «Центральный научно-исследовательский институт машиностроения». 2. Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский авиационный институт (Государственный технический университет)»

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Таблица 1 (окончание)

Национальная суперкомпьютерная технологическая платформа (№ 5)	1. Учреждение российской Академии наук Институт программных систем им. А. К. Айламазяна РАН. 2. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова»
Глубокая переработка углеводородных ресурсов (№ 24)	Научно-исследовательский и проектный институт нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности ОАО «ВНИПИнефть». Контрольный пакет акций «ВНИПИнефть» принадлежит Российскому Фонду федерального имущества. Доля государства в уставном капитале «ВНИПИнефть» не подлежит приватизации [24]
4. Платформы, инициированные государственными НИИ, вузами, учреждениями и компаниями	
Название технологической платформы	Основные инициаторы создания технологической платформы
Интеллектуальная энергетическая система России (№ 14)	1. Федеральное государственное учреждение «Российское энергетическое агентство» Министерства энергетики Российской Федерации. 2. ОАО «Федеральная сетевая компания единой энергетической системы»*. В собственности Российской Федерации находится 79,48% размещенных акций ОАО «ФСК ЕЭС» [25]
Экологически чистая тепловая энергетика высокой эффективности (№ 15)	1. Открытое акционерное общество «Всероссийский дважды ордена Трудового Красного Знамени Теплотехнический научно-исследовательский институт». 2. ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС»*. Основными акционерами «ИНТЕР РАО ЕЭС» остаются организации с полным или преимущественным государственным участием (группа ФСК ЕЭС – 19,95%, Росимущество – 14,8%, «Росатом» – 13,4% и др.) [26].
5. Платформы, инициированные в основном государственными компаниями	
Название технологической платформы	Основные инициаторы создания технологической платформы
Национальная информационная спутниковая система (№ 10)	Открытое акционерное общество «Информационные спутниковые системы» им. академика М.Ф. Решетнева». 100% акций ОАО «ИСС» им. академика М. Ф. Решетнева находится в федеральной собственности [27]
Перспективные технологии возобновляемой энергетики (№ 16)	Открытое акционерное общество «Федеральная гидрогенерирующая компания – РусГидро». В федеральной собственности находится 57,97% акций компании [28]
Высокоскоростной интеллектуальный железнодорожный транспорт (№ 19)	Открытое акционерное общество «Российские железные дороги». Единственным акционером общества является Российская Федерация [29]
Освоение океана (№ 27)	1. Открытое акционерное общество «Концерн «Моринформсистема – Агат». Владелец 100% акций концерна – Российская Федерация в лице Росимущества [30]. 2. Открытое акционерное общество «Объединенная судостроительная корпорация»*. Владелец 100% акций корпорации – Российская Федерация в лице Росимущества [31]. 3. Открытое акционерное общество «Концерн «Морское подводное оружие – Гидроприбор». Владелец 100% акций концерна – Российская Федерация в лице Росимущества [32]
Малая распределенная энергетика (№ 17)	1. Закрытое акционерное общество «Агентство по прогнозированию балансов в электроэнергетике». В настоящее время единственным учредителем ЗАО «АПБЭ» является ОАО «ФСК ЕЭС». 79,48% акций «ФСК ЕЭС» принадлежит Росимуществу [25]. 2. Открытое акционерное общество «ИНТЕР РАО ЕЭС». Основными акционерами «ИНТЕР РАО ЕЭС» остаются организации с полным или преимущественным государственным участием (группа ФСК ЕЭС – 19,95%, Росимущество – 14,8%, «Росатом» – 13,4% и др.) [26]. 3. Некоммерческое партнерство «Российское торфяное и биоэнергетическое общество»
6. Платформы, инициированные бизнес-структурой или ассоциацией, включающей бизнес-структуры	
Название технологической платформы	Основные инициаторы создания технологической платформы
Инновационные лазерные, оптические и оптоэлектронные технологии – фотоника (№ 6)	Лазерная ассоциация
Технологическая платформа твердых полезных ископаемых (№ 22)	Открытое акционерное общество «Сибирская Угольная Энергетическая Компания»

Примечания. Здесь указаны номера технологических платформ, соответствующие перечню [5], утвержденному решением Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 1 апреля 2011 г., протокол № 2. Росимущество – Федеральное агентство по управлению государственным имуществом, осуществляющее права акционера Российской Федерации.

Одной «звездочкой» отмечены организации-инициаторы из перечня [4], не вошедшие в качестве координаторов в утвержденный перечень [5].

3. Драйверы технологических платформ в российской версии

Как уже говорилось, часть российских платформ (см. табл. 1) была инициирована государственными вузами и научными организациями. Это означает, что драйверами создания определенной части РТП стали предпочтения не стороны спроса, как у европейского аналога, а стороны предложения научных знаний, что влечет соответствующие последствия в перспективах коммерциализации.

В части РТП, где лидерство принадлежит крупным компаниям с государственным участием (см. табл. 1) — стороне спроса — мотивационные драйверы, тем не менее, принципиально отличаются от европейских с вытекающими отсюда различиями в перспективах инновационных прорывов. Проанализируем мотивационные драйверы, побудившие российские госкомпании выступить лидерами-организаторами технологических платформ.

Прежде всего, отметим, что почти все они входят в два списка компаний с государственным участием⁵, затронутых решением Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 3 августа 2010 г., протокол № 4 [33]. Оценка деятельности компаний из этих двух списков (первый из 22 и второй из 25 организаций) на президентском и правительственном уровне [34] показала, что, несмотря на предоставляемые государством инвестиционные возможности, их интерес к инновациям как средству конкуренции остается крайне низким. В рамках этой оценки было также отмечено, что «практически ни в одной госкомпании нет руководителей» высшего звена, «специально отвечающих за инновационную тематику». При этом в расходах на НИОКР наблюдается «существенное превышение опытно-конструкторских работ над научно-исследовательскими».

С позиции анализа мотивационных драйверов это означает, что у рассматриваемых госкомпаний отсутствует производственная и рыночная необходимость в инновационной деятельности в целом и в расходах на научно-исследовательские работы в частности. Тем не менее, почти половина этих компаний в кратчайшие сроки выступила в роли лидеров-инициаторов технологических платформ, предназначенных для решения масштабных инновационных задач на основе рискованных вложений в средне- и долгосрочные НИОКР.

В связи с этим возникают два вопроса: 1) какие иные мотивационные драйверы побудили российские госкомпании выступить организаторами технологических платформ; 2) способны ли драйверы-суррогаты⁶ стать полноценной заменой производственных и рыночных стимулов к инновациям.

Ответ на первый вопрос — о причинах, побудивших российские госкомпании выступить в роли организаторов платформ — вполне очевиден. Во исполнение поручения Президента Российской Федерации в вышеупомянутом правительственном решении [33] данным госкомпаниям в административном порядке

предписано разработать программы инновационного развития в соответствии с составленными методическими рекомендациями, включающими целевые индикаторы. Также «должно быть обеспечено участие...» компаний «...в формировании и деятельности технологических платформ», включая взаимодействие «с профильными вузами и научными организациями». Выполнение означенного административного решения 47-ю компаниями с государственным участием из утвержденного списка контролируется на правительственном уровне.

Отметим также, что на заседании Комиссии при Президенте по модернизации и технологическому развитию экономики России 31 января 2011 г. [34] в рамках оценки выполнения названного правительственного решения было еще раз подчеркнуто, что этим госкомпаниям следует «кардинально повысить расходы на НИОКР». Руководители госкомпаний с незначительными расходами на НИОКР должны быть подвергнуты «дисциплинарной ответственности... вплоть до увольнения».

С учетом последнего замечания, правомерно сделать три следующих вывода в отношении мотивационных драйверов, составляющих основу российской версии технологических платформ.

1. Исходным драйвером, побудившим российские компании с государственным участием инициировать создание платформ, стала, в отличие от европейского аналога, не производственная и рыночная необходимость, а «административное давление».
2. По российской версии внутреннее руководство платформами будут осуществлять компании, у которых практически отсутствуют производственные и рыночные стимулы не только к вложениям в долгосрочные рискованные НИОКР, но и к инновационной деятельности в целом.
3. Отсутствие производственной и рыночной мотивации к инновационной деятельности призвана компенсировать система «внешнего административного управления». Согласно вышеупомянутому правительственному решению [33] в основе вводимой в практику административной модели управления инновационной деятельностью компаний лежит постоянный контроль «сверху».

Ответ на второй из поставленных вопросов — способны ли драйверы внешнего контроля стать полноценной заменой производственных и рыночных стимулов к инновациям — требует более углубленного анализа вводимой административной модели с учетом специфики контролируемых объектов — госкомпаний.

4. Компенсационные перспективы модели «внешнего административного управления»

Анализ показывает, что выбор административного пути инновационного развития требует преодоления ряда проблем, не решенных как в теории, так и на практике. Чтобы модель внешнего контроля инновационной деятельности госкомпаний стала полноценной заменой рыночной модели «тяги спроса», в ней должны присутствовать, как минимум, четыре следующие составляющие:

⁵ Включая ГК Росатом и Ростехнологии.

⁶ От лат. *surrogatus* — поставленный взамен.

1. Система целевых индикаторов — по сути, искусственный мотивационный драйвер, способный повторить или симитировать по характеру воздействия такой рыночный драйвер инновационного поведения как конкурентные угрозы.
2. Механизмы обратной связи значений введенных целевых индикаторов (оценочных критериев) с финансовыми потерями и доходами высшего руководства госкомпаний.
3. Превалирование механизмов искусственного стимулирования инноваций над другими «узаконенными» статьями доходов руководства компаний.
4. Блокировка коррупционных и иных, не связанных с производственными и рыночными целями, способов извлечения выгоды из затрат на НИОКР и инновации.

Отсутствие или слабость какой-либо составляющей по названным четырем пунктам, включая:

- 1) несоответствие применяемой на практике системы оценочных критериев требуемым конечным результатам — инновационным прорывам на внутреннем и внешнем рынке (п. 1);
- 2) разрывы в связях между требуемыми конечными результатами и финансовым благополучием руководства госкомпаний (п. 2);
- 3) недостаточный вес механизмов обратной связи инновационных результатов с оплатой труда руководства госкомпаний среди других статей доходов (п. 3 и 4) — повлечет несостоятельность административной модели как инструмента нацеливания госкомпаний на конкурентные инновационные прорывы.

Рассмотрим теперь, выполнены ли требования отсутствия названных дефектов в сегодняшней модели внешнего административного управления российскими госкомпаниями. Анализ будет включать две части:

1. Оценку состоятельности модели в формировании контуров инновационной мотивации.
2. Анализ состоятельности модели в придании веса контурам инновационной мотивации на фоне действия замещающих побудительных драйверов.

Состоятельность административной модели в формировании контуров инновационной мотивации. Оценивая состоятельность российской административной модели в формировании контуров инновационной мотивации, необходимо отметить следующее. Хотя в вышеупомянутом правительственном решении [33] введена система «целевых индикаторов» для контроля программ инновационного развития, при этом не предусматриваются и не прописаны механизмы связи достигаемых значений оценочных критериев с доходами руководства госкомпаний. Кроме того, анализ введенной системы оценочных критериев показывает, что, характеризуя разные аспекты инновационной активности госкомпаний, она в то же время не выходит на конечные показатели конкурентоспособности, то есть носит промежуточный характер. Заметим также, что предложенная в документе система конечных показателей производственной деятельности госкомпаний не может рассматриваться как альтернативный вариант «целевых индикаторов». Она не пригодна в качестве

оценочных критериев инновационной деятельности, поскольку может достигаться не только инновационными факторами.

Все это означает, что в искусственно формируемых «сверху» контурах инновационной мотивации госкомпаний, призванных скомпенсировать отсутствие производственных и рыночных стимулов к инновационной деятельности, разорвана связь: 1) между доходами управляющего персонала и оценочными критериями инновационной деятельности; 2) между используемыми оценочными критериями инновационной деятельности и требуемыми конечными результатами.

Состоятельность административной модели в защите инновационных контуров от замещающих драйверов. Ограниченность административной модели управления госкомпаниями проявляется не только в неспособности сформировать контуры инновационной мотивации. Допуская разрывы в формировании инновационных контуров, модель имеет еще одну слабую сторону. В ней не обозначена проблема и не учитываются риски ослабления или замещения искусственно формируемых контуров инновационной мотивации за счет вмешательства параллельно действующих побудительных драйверов. В число замещающих драйверов, ослабляющих инновационные контуры в рамках рассматриваемой категории компаний, входят возможности и стимулы для: 1) получения прибыли вполне законными способами без привлечения рисков инновационных стратегий; 2) имитации⁷ инновационной деятельности для достижения требуемых значений индикаторов; 3) нецелевого использования государственных средств, выделяемых на инновационно-исследовательскую деятельность.

Вследствие названной проблемы, даже если бы контуры инновационной мотивации высшего менеджмента были сформированы без разрывов, необходимо еще предложить механизмы защиты этих контуров от замещающих побудительных драйверов. В модели внешнего административного управления защитные механизмы не разработаны (см. далее): 1) ни в отношении альтернативных производственных и рыночных предпочтений; 2) ни в отношении стимулов к имитации инновационной деятельности или нецелевому использованию средств, выделяемых на НИОКР.

Остановимся подробнее на трех категориях драйверов, представляющих угрозу для искусственно формируемых контуров инновационной мотивации: факторах ценовой конкуренции, стимулах к имитации инновационно-исследовательской деятельности и коррупционных возможностях.

Возможности ценовой политики как фактор подавления инновационных контуров в госкомпаниях. Характерной чертой госкомпаний в сравнении с частным бизнесом является привилегированный доступ к государственным средствам. Многие госкомпании из сорока семи действуют в секторах экономики, связанных с природно-энергетическими ресурсами и при этом ряд из них частично или полностью монополизи-

⁷ Здесь и далее термин «имитация» имеет смысловую нагрузку не «заимствование новшества» (один из типов инновационного поведения), а «создание видимости».

рует определенные сегменты, в основном внутреннего, рынка.

Конкурентные преимущества, приобретаемые госкомпаниями благодаря: 1) государственным преференциям, а также для части из них: 2) ресурсно-сырьевой и 3) монопольной ренте — позволяют получать стабильную прибыль в рамках ценовой политики, не прибегая к рискованным инновационным стратегиям и долгосрочным НИОКР. В сегментах рынка, частично или полностью монополизированных госкомпаниями — это политика максимизации цен в рамках поставленных «сверху» ограничений и лоббирования их ослабления. С учетом возможностей монополизации такой вариант ценовой политики применим в большей мере для внутреннего рынка. В условиях конкурентной среды, что относится в первую очередь к внешнему рынку, госкомпании имеют возможность получать прибыль за счет более низких цен, обеспечиваемых доступом к государственным средствам⁸.

В предлагаемой административной модели не просматриваются механизмы: 1) воздействия на доступность госкомпаниям факторов (государственных преференций, монопольной и ресурсно-сырьевой ренты), определяющих выгодность и предпочтительность ценовой политики; 2) ослабления связи доходов высшего менеджмента с прибылью, получаемой за счет ценовых факторов.

В результате, инновационной мотивации менеджмента, искусственно формируемой «сверху», будут объективно противодействовать факторы ценовой конкуренции, максимально доступные в условиях особого экономического положения госкомпаний как субъектов рынка.

Имитационные стратегии как фактор ослабления инновационных контуров в госкомпаниях. На фоне внешнего административного давления, с одной стороны, и отсутствия производственной и рыночной необходимости в инновациях как средстве конкуренции, с другой стороны, возникают риски использования имитационных стратегий.

Возможности для имитации в нерыночной модели стимулирования инноваций обеспечиваются:

- 1) отрывом системы «целевых индикаторов» от целей конкурентоспособности; данные индикаторы характеризуют не конкурентные позиции компаний, достигнутые за счет инноваций, а различные частные аспекты инновационной деятельности, которая на самом деле является лишь потенциальным средством достижения этих позиций;
- 2) «размытостью» задаваемых «сверху» целей по спектру показателей — в рассматриваемой модели внешнего управления вводится 13 так называемых «целевых индикаторов»; нерешенность проблемы определения относительной значимости «целевых индикаторов» и приведения их к единому знаменателю затрудняет однозначность оценки и, соответственно, объективность выводов контролирующих органов;

⁸ Пока это позволяет ценовая конъюнктура и на рынок не вышли «продавцы» с аналогичными, но более дешевыми товарами группами.

3) неопределенностью будущих конечных результатов для средне- и долгосрочных НИОКР;

4) трудностью отделения объективных причин неудач, связанных с естественными инновационными рисками, от иных побудительных мотивов выбора неэффективных проектов.

В отношении стимулов к имитационной деятельности в рамках госкомпаний, необходимо отметить следующее.

Имитация, хотя и в неодинаковой степени для различных целевых индикаторов, позволяет достигать заданных «сверху» контрольных цифр без привлечения рискованных инновационных стратегий и с минимальными усилиями и затратами. При этом доходы менеджмента по-прежнему будут обеспечиваться необременительными ценовыми стратегиями.

Еще один значимый стимул к использованию имитационной модели топ-менеджментом госкомпаний проявляется в рамках ее срачивания с коррупционными механизмами, в отношении которых она выполняет «камуфлирующую», или защитную функцию.

Показательным является недавний пример такого срачивания в госкорпорации Росатом [35]. Занимавшему должность заместителя генерального директора госкорпорации с 2008 по 2010 гг. Евгению Евстратову, предъявлено обвинение в организации хищения около 50 млн руб., выделенных из бюджета на научно-исследовательскую деятельность. Вместо проведения НИОКР использовалась имитационно-коррупционная схема: скачивались научные материалы из сети Интернет и выдавались за собственные ноу-хау, а денежные средства присваивались.

Подчеркнем, что в экономических моделях, где инновации являются средством конкуренции, а не обеспечения задаваемых «сверху» контрольных цифр, не возникает и стимулов для имитации инновационной деятельности.

Коррупционные возможности как фактор замещения созидательной мотивации. Анализ и мировой опыт показывают, что в крупных компаниях и корпорациях, имеющих привилегированный доступ к государственным средствам, возникают повышенные риски нецелевого расходования бюджетных средств и смещения рыночной и инновационной мотивации топ-менеджмента в коррупционную плоскость.

Примером является опыт Кореи [36], где в рамках противодействия коррупции, расцветающей, как оказалось, в условиях монополии и объемных бюджетных вливаний, правительство было вынуждено привлечь к ответственности руководство ряда широко известных национальных компаний, так называемых «чеболей». В частности, в 2003 г. из-за финансовых нарушений было арестовано руководство корпорации «SK». В 2005 г. за незаконное получение миллиардных кредитов привлекались к суду учредители компании «Daewoo». В начале 2006 г. прокуратурой Республики Корея выданы ордера на арест одного из руководителей корпорации «Hyundai Motor» в связи с причастностью к хищениям в размере 800 млн евро и на арест топ-менеджера компании «Samsung», обвиняемого в хищении 840 млн евро. За нелегальные финансовые операции прокуратурой привлечено к ответственности также и

руководство компании «Hyundai». Спецификой выявленных фактов коррупции является особо крупный размер хищений.

В российскую модель компаний с государственным участием наибольшие риски нецелевого использования государственных средств вносят госкорпорации (включая Росатом, Ростехнологии и ОАО Роснано), созданные в рамках закона о некоммерческих организациях и получившие от государства гигантские средства и активы. Эксперты Совета Федерации идентифицировали восемь схем увода государственных активов в личную собственность, доступных этим структурам [37]:

1. *Канал безвозмездного финансирования.* Некоторые ГК, созданные в рамках закона о некоммерческих организациях, например, «Ростехнологии» имеют право выделять различным получателям средства на основе безвозмездного финансирования, что создает благоприятные условия для одной из схем «откатов». Деньги могут быть переданы коммерческому предприятию, владелец которого впоследствии вернет часть полученных денег менеджерам государственной корпорации.
2. *Канал выдачи льготных кредитов.* Некоммерческий статус госкорпораций (Ростехнологии и Росатом) позволяет им выдавать льготные кредиты на целевую деятельность. Ставка по выданным кредитам может быть существенно ниже рыночной, что открывает еще одну возможность для «откатов». Вложив эти средства в любой актив, приносящий среднюю рыночную доходность, получатели кредита зарабатывают прибыль, которой делятся с менеджерами государственной корпорации.
3. *Канал вывода активов через дочерние и зависимые предприятия.* Государственные корпорации обладают правами вносить полученные из бюджета деньги в уставные капиталы своих дочерних и зависимых компаний. Это открывает удобный канал для вывода активов за счет следующих шагов. Первый из них — выбор в качестве соучредителей дочерних компаний частных предприятий, в том числе зарегистрированных за рубежом, в оффшорных зонах и принадлежащих, в конечном счете, менеджерам ГК. При этом не исключено, что соучредители данной категории станут приобретать в дочерних организациях контрольные пакеты акций, не внося в их капитал средств. Взносы могут состоять из сильно переоцененной интеллектуальной собственности в виде перспективных технологий, лицензий и т. п. Таким образом, бюджетные деньги оказываются в собственности неподконтрольных государству непрозрачных частных компаний. Заключительный шаг со стороны акционера, контролирующего такую компанию — ее ликвидация и перевод большей части средств на личный счет.
4. *Канал сдачи активов в аренду на льготных условиях.* Принадлежащие государственным корпорациям активы, например, недвижимость, могут сдаваться в аренду по символическим ставкам. Это позволит задействовать еще один коррупционный канал вывода активов. Формально арендаторами будут предприятия, принадлежащие к сферам деятель-

ности, для поддержки которых создана данная ГК. В реальности существует возможность передавать активы в субаренду уже по реальным рыночным ставкам с последующим разделом образовавшейся прибыли с менеджерами государственной корпорации.

5. *Канал закупок по завышенным ценам.* Контроль над закупками государственных корпораций существенно слабее контроля над закупками государственных учреждений и коммерческих организаций с государственным участием. Это позволит менеджерам закупать товары по завышенным ценам, получая за это «откаты» от поставщиков. Подобные схемы возможны не только при закупках материальных ценностей, но и при найме персонала, заключении страховых сделок и др.
6. *Канал завышения трат на строительство и ремонт.* Расходы на строительство и ремонт являются зоной повышенного риска злоупотреблений даже в условиях оптимальной институциональной структуры организации. Каждый строительный и ремонтный проект является в определенной степени уникальным, и поэтому точно оценить обоснованность сопутствующих ему затрат обычно может только непосредственно руководящий проектом менеджер. В этих условиях для управляющих существует стимул растратить заведомо чрезмерные суммы, используя карманных подрядчиков или сговорившись с ними.
7. *Канал вывода активов посредством эмиссии долговых ценных бумаг с повышенной доходностью.* Некоторым госкорпорациям дано право выпускать долговые ценные бумаги — облигации и векселя. При этом у менеджеров есть возможности сделать стоимость этих бумаг весьма низкой (доходность, соответственно, высокой), а процедуру их размещения — предельно закрытой и ориентированной на узкий круг приближенных лиц. Таким образом, государственная корпорация будет систематически выплачивать держателям данных бумаг значительные суммы.
8. *Канал манипулирования с фондовым рынком.* Это канал нецелевого расходования средств освещается экспертами Совета Федерации в связи с масштабностью денежных сумм, выделенных госкорпорациям и обсуждением возможности инвестирования этих средств на российском фондовом рынке. Утечка информации о том, в какие именно ценные бумаги будет вкладываться временно свободные средства госкорпорация, позволит получить большую прибыль как получившему эту информацию биржевому спекулянту, так и организатору утечки. Что же касается сохранности активов госкорпорации, то она, допустив подобную утечку, будет вынуждена покупать ценные бумаги по повышенным ценам или продавать по сниженным, так как распространение информации на рынке изменит цены прежде, чем корпорация начнет выполнение запланированных операций. Наименее защищена от воздействия коррупционных драйверов инновационно-исследовательская

сфера. Характерные для нее высокая неопределенность и отдаленность конечных результатов порождают дополнительные трудности контроля эффективного использования государственных средств и возможности их применения не по назначению.

5. Актуальность проблемы защиты от коррупционных драйверов

В настоящее время проблеме коррупции в России уделяется пристальное внимание в самых верхних эшелонах власти. Коррупция отвлекает финансовые потоки от решения национально значимых задач, формируя «паразитарные» обратные связи в механизмах целевого распределения бюджетных средств. Она означает также подмену экономически целесообразной подоплеку принимаемых решений (например, при определении приоритетов финансирования НИОКР, выборе исполнительских команд и оценке результатов проектов) деструктивными мотивационными факторами.

Актуальность этой проблемы для страны подтверждается данными международных исследований, показывающих, что по уровню коррупции в сопоставлении с другими странами Россия подошла к критическим границам.

Для оценки коррупции в мировой практике используются несколько индикаторов. К наиболее известным, вычисляемым на регулярной основе, относятся индикаторы коррупции, определяемые в рамках сводных исследований «Индекс экономической свободы» (Index of Economic Freedom) и «Индикаторы качества государственного управления» (Worldwide Governance Indicators)⁹.

«Свобода от коррупции» в России. Первое из двух упомянутых исследований — «Индекс экономической свободы» проводится американским аналитическим центром Heritage Foundation («Фонд наследия») и ведущим деловым изданием — газетой Wall Street Journal. Индекс экономической свободы рассчитывается ежегодно, начиная с 1995 г., по большинству стран мира (около 160). Эксперты Фонда определяют экономическую свободу как «отсутствие правительственного вмешательства или воспрепятствования производству, распределению и потреблению товаров и услуг, за исключением необходимой гражданам защиты и поддержки свободы как таковой» [38].

В очередном рейтинге Index 2011, опубликованном на сайте Heritage, 179 стран оценены, как и ранее, по 10 индикаторам, в числе которых «Индекс свободы от коррупции»:

1. Свобода бизнеса.
2. Свобода торговли.
3. Фискальная (налоговая) свобода.
4. Расходы на содержание государственного аппарата.
5. Валютная свобода.
6. Свобода инвестиций.
7. Финансовая свобода.

8. Гарантии прав собственности.
9. Свобода от коррупции.
10. Свобода труда.

По каждому из этих показателей странам выставляется оценка в баллах — от 0 до 100. Чем больше баллов, тем более высоко оценивается уровень экономической свободы в стране по данному критерию. На основе этих десяти индикаторов рассчитывается также совокупный Индекс экономической свободы в странах. Теоретически в «абсолютно свободной» экономике в итоге должно получиться 100 баллов, а там, где свободы нет, соответственно, 0.

По мнению опрошенных в 2011 г. экспертов, среди десяти составляющих экономической свободы в России хуже всего обстоят дела с коррупцией (см. табл. 2), которая является повсеместно распространенным явлением. При этом она воспринимается по сравнению с предыдущими опросами как растущая, несмотря на предпринимаемые государством меры, которые пока не оказались эффективными.

Как очень высокий оценивается экспертами уровень коррупции в России не только на фоне значений остальных девяти индикаторов свободы в нашей стране, но также и в сопоставлении с другими странами. В рейтинге стран 2011 г., представленном Heritage Foundation, по индикатору свободы от коррупции Россия занимает 146-е место из 179 стран (три года назад в «Индексе экономической свободы 2008» Россия занимала 121-е место).

Способность российского государства справляться с коррупцией. Второе авторитетное исследование, включающее оценку коррупции — «Индикаторы качества государственного управления» проводится Всемирным Банком (World Bank). С 1996 по 2004 гг. этот показатель публиковался один раз в 2 года, с 2005 г. — ежегодно. Исследование охватывает более 200 стран мира.

Комплексный показатель качества и эффективности государственного управления рассчитывается на основе нескольких сотен переменных и включает шесть агрегированных индикаторов, один из которых — индикатор усилий государства по «борьбе с коррупцией»:

1. Право голоса и подотчетность.
2. Политическая стабильность.
3. Профессионализм государственных служащих и качество государственных услуг.
4. Качество законодательства.
5. Верховенство закона.
6. Сдерживание коррупции.

Для каждого из шести индикаторов рассчитывается рейтинг — от 0 до 100, который указывает место страны среди всех стран в мире. Сводный рейтинг в рамках методики Всемирного Банка не рассчитывается.

Чем ниже рейтинг данной страны, тем хуже качество государственного управления по соответствующему индикатору. При этом значение каждого индикатора показывает процент стран, в которых качество управления по нему хуже, чем в рассматриваемой стране. Так, согласно данным Всемирного банка, опубликованным в 2011 г., индекс «Сдерживание коррупции» в России в 2010 г. составил 12,9 (см. табл. 3).

⁹ Worldwide Governance Indicators известен также как GRICS (Governance Research Indicator Country Snapshot).

*Десять индикаторов экономической свободы в России в сопоставлении с другими странами мира в 2011 г.
(на основе [39])*

	Франция	Германия	Италия	Велико- британия	Канада	США	Япония	Россия	Китай	Индия	Брази- лия	Мек- сика
Свобода бизнеса	85,6	89,6	77,3	94,6	96,4	91,0	83,8	50,7	49,8	36,9	54,3	87,3
Свобода торговли	82,6	87,6	87,6	87,6	88,1	86,4	82,6	68,2	71,6	64,2	69,8	81,2
Фискальная (налого- вая) свобода	52,3	58,5	55,4	52,0	78,0	68,3	67,0	82,7	70,3	75,4	69,0	81,3
Расходы на содержа- ние государственного аппарата	16,4	42,7	28,6	32,9	52,7	54,6	58,7	65,1	87,0	77,8	49,6	83,1
Валютная свобода	83,7	83,9	82,1	74,9	78,8	77,4	87,9	63,1	75,3	65,1	75,9	75,7
Свобода инвестиций	55,0	85,0	75,0	90,0	75,0	75,0	60,0	25,0	25,0	35,0	50,0	65,0
Финансовая свобода	70,0	60,0	60,0	80,0	80,0	70,0	50,0	40,0	30,0	40,0	50,0	60,0
Гарантии прав соб- ственности	80,0	90,0	50,0	85,0	90,0	85,0	80,0	25,0	20,0	50,0	50,0	50,0
Свобода от корруп- ции	69,0	80,0	43,0	77,0	87,0	75,0	77,0	22,0	36,0	34,0	37,0	33,0
Свобода труда	51,4	40,6	44,4	71,2	81,7	95,7	81,1	62,9	54,9	67,2	57,8	60,9

Это означает, что по данному показателю только в 12,9% стран государство справлялось с коррупцией хуже, чем в России. Соответственно, более профессиональными и результативными в сфере борьбы с коррупцией, чем российское государство, оказались правительства 87,1% стран из представленных 210¹⁰. Из данных Всемирного банка следует также, что в России качество государственного управления в области борьбы с коррупцией было наихудшим также и на фоне значений остальных пяти индикаторов (см. столбец «Россия» в табл. 3).

В условиях, когда Россия традиционно занимает ведущие позиции в международных рейтингах по уровню коррупции и неспособности государства справиться с ней, перенос «старых» коррупционных рисков, связанных в первую очередь с госкорпорациями Росатом, Ростехнологии, ОАО Роснано, в новые структуры — технологические платформы — вряд ли будет способствовать их результативности и целевому расходованию бюджетных средств.

Заключение

Отвечая на вопрос об инновационных перспективах российской версии технологических платформ, необходимо подчеркнуть следующее.

Проведенный анализ управленческих решений, связанных с российскими технологическими платформами, показывает, что движущей силой запуска и функционирования этих структур является модель внешнего административного управления, включающая «давление», контроль и государственные преференции. Основанием для российского выбора исходных драйверов стало отсутствие производственной и рыночной необходимости в инновационно-исследовательской

деятельности у госкомпаний, на которые возлагаются функции инициирования и организации технологических платформ. При таком подходе главная ставка делается на способность модели управления «сверху» скомпенсировать отсутствие необходимости в инновациях как средстве конкуренции.

Оценка компенсационной состоятельности административной модели приводит к следующим выводам. В искусственно формируемых контурах инновационной мотивации госкомпаний — лидеров-организаторов платформ допущены два разрыва. Кроме того, не предусмотрена защита инновационных контуров от параллельно действующих замещающих драйверов, в числе которых факторы ценовой конкуренции, имитационные и коррупционные механизмы. Вследствие этого возникают риски предпочтения госкомпаниями лидерами платформ такой комбинированной стратегии поведения, где:

- 1) прибыль и основные доходы высшего менеджмента формируются за счет необременительной ценовой стратегии, доступной благодаря государственным средствам и ресурсам;
- 2) спускаемые «сверху» значения целевых инновационных индикаторов, не будучи продиктованы производственной и рыночной необходимостью, достигаются насколько возможно, за счет стратегии имитации инновационной деятельности;
- 3) в случае высоких требований «сверху» к расходам на НИОКР, не обусловленным конкурентными целями, выбор проектов и приоритетов финансирования будет подчинен стратегии извлечения альтернативной выгоды, включая имитационные возможности в сочетании с коррупционными механизмами.

Предпочтение комбинированной поведенческой стратегии лидерами платформ повлечет неспособность инновационно-исследовательских приоритетов, определяемых в рамках этих структур, играть роль

¹⁰ Имеются в виду страны, по которым приводится значение рассматриваемого индекса.

Оценка качества государственного управления в России в сопоставлении с другими странами мира по данным Всемирного банка за 2011 г.¹¹ (на основе [40])

	Франция	Германия	Италия	Великобритания	Канада	США	Япония	Россия	Китай	Индия	Бразилия	Мексика
Право голоса и подотчетность	89,1	92,9	75,8	91,9	93,8	87,2	82,5	20,9	5,2	59,2	63,5	52,1
Политическая стабильность	70,8	74,1	62,3	58,0	81,1	56,6	76,9	18,4	24,1	10,8	48,1	22,6
Профессионализм и качество государственных услуг	89,5	91,9	67,9	92,3	96,7	90,0	88,5	41,6	59,8	55,0	57,0	61,7
Качество законодательства	87,1	93,8	77,0	97,1	96,1	90,4	80,9	38,3	45,0	39,2	56,0	58,9
Верховенство закона	90,5	92,4	62,6	94,8	96,2	91,5	88,2	26,1	44,5	54,5	55,5	33,6
Сдерживание коррупции	89,0	93,3	57,4	90,0	96,7	85,6	91,9	12,9	32,5	35,9	59,8	44,5

«окон возможностей» со стороны рынка для «разворота» технологического предложения в направлениях конкурентных прорывов.

Характеризуя перспективы российской версии технологических платформ в сопоставлении с европейским аналогом, послужившим отправной точкой для России, правомерно сделать следующие заключения. В российском варианте осуществлена подмена исходных побудительных стимулов — производственной и рыночной необходимости в инновациях, составляющих суть европейской модели платформ, опирающейся на «тягу спроса». Следствием произведенной подмены, как уже отмечалось, стали разрывы в инновационных контурах и внесение в российскую модель платформ «паразитарных» драйверов, противодействующих созидательным целям. Все это вряд ли позволяет ожидать таких же конкурентных эффектов, как у зарубежного аналога.

В целом, пока государственная политика остается в рамках управленческих решений, где созидательная мотивация подавляется коррупционными, имитационными и монопольно-рентными возможностями, нет объективных оснований рассчитывать на инновационно-конкурентные прорывы.

* * *

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проекты № 11-02-00426а и № 11-02-00656а).

¹¹ Опубликованные в 2011 г. данные относятся к предыдущему — 2010 г.

Список использованных источников

1. О Комиссии при Президенте Российской Федерации по модернизации и технологическому развитию Экономики России. Указ Президента Российской Федерации № 579, Москва, Кремль, 20 мая 2009 г. <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=052509>.
2. Стенографические отчеты о заседаниях Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России. <http://i-russia.ru/sessions/reports>.
3. Вступительное слово на совещании по вопросам модернизации и технологического развития экономики. 15 мая 2009 г., Московская область, Горки. <http://www.kremlin.ru/transcripts/4082>.

4. Перечень технологических платформ, предлагаемых для утверждения Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям. <http://www.economy.gov.ru>.
5. Перечень технологических платформ. Утвержден решением Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 1 апреля 2011 г., протокол № 2. <http://www.economy.gov.ru>.
6. Technology Platforms: from Definition to Implementation of a Common Research Agenda, Sept. 2004 EUR 21265.
7. Status Report on the Development of Technology Platforms, Febr. 2005. ISBN 92-894-8985-5.
8. Second Status Report on European Technology Platforms «Moving to Implementation, A Commission Inter-Service Group on European Technology Platforms, May 2006, ISBN 92-79-01019-0.
9. Third Status Report on European Technology Platforms «At the Launch of FP7» A Commission Inter-Service Group on European Technology Platforms, March 2007. ISBN 92-79-02529-5.
10. Evaluation of the European Technology Platforms. Final report, IDEA consult, August 2008.
11. Н. В. Шелюбская. Новая инновационная политика ЕС//Информационное общество, вып. 5, 2005.
12. Шестая рамочная исследовательская программа Европейского союза//Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8, № 1. М.: Науковедение: РЖ/РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям, 2006.
13. Н. Шаталова. Формы платформы. Пути развития Европы определяет производство //Поиск, 26 мая 2006.
14. Л. В. Оболенская, А. Б. Зудина. Европейские технологические платформы в экономической стратегии ЕС: опыт для России// Цивилизация знаний: инновационный переход к обществу высоких технологий: Труды Девятой Международной научной конференции, Москва, 25–26 апреля 2008 г. В 2-х ч. Ч. II. М.: РосНОУ, 2008.
15. Л. В. Оболенская, А. Б. Зудина. Две модели продвижения технологии на примере европейских платформ и российских госкорпораций/Под ред. Р. М. Нижегородцева//Информационная экономика: институциональные проблемы: Материалы Девярых Друкеровских чтений. М.: Доброе слово, 2009.
16. Л. В. Оболенская, О. Г. Голиченко, А. Б. Зудина. Адаптация опыта платформ для модернизации секторов российской промышленности/Под ред. Р. М. Нижегородцева//Посткризисные очертания инновационных процессов: Материалы Десятих Друкеровских чтений. М.–Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2010.
17. Российские технологические платформы. <http://www.fp7-bio.ru/tech-platforms/russian>.
18. <http://www.rusnano.com/Section.aspx/Show/14501>.
19. <http://www.rusnano.com/Document.aspx/Download/32884>.
20. http://www.ruselectronics.ru/shareholder/reporting/alist_31_12_11.pdf.

21. http://rt-biotechprom.ru/?page_id=10.
22. <http://rostechnologii.ru/company/corp>.
23. <http://www.uacrussia.ru/ru/investors/stock>.
24. <http://vnipineft.ru/ru/o-kompanii/istoriya>.
25. <http://www.fsk-ees.ru/upload/docs/alist30-09-2011.pdf>.
26. <http://www.interra.ru/company/capital>.
27. <http://www.iss-reshetnev.ru/images/File/info-to-open/list-a-person/2011/031011/031011.pdf>.
28. <http://www.rushydro.ru/investors/capital/structure>.
29. http://rzd.ru/isvp/public/rzd?STRUCTURE_ID=628.
30. <http://www.concern-agat.ru/images/stories/concern/otchets/affilir/27%20list%2031-12-11.pdf>.
31. http://www.oaoosk.ru/docs/af_face/2011/a-0311.pdf.
32. <http://www.gidropribor.ru/index.php?id=41>.
33. Протокол № 4 заседания Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 3 августа 2010 г. <http://mon.gov.ru/files/materials/7868/10.08.03-prot4.pdf>.
34. Стенографический отчет о заседании Комиссии при Президенте по модернизации и технологическому развитию экономики России. 31 января 2011 г., Арзамас. <http://news.kremlin.ru/transcripts/10187>.
35. В Росатоме вскрыли мошенничество. <http://www.interfax.ru/society/txt.asp?id=200053>.
36. Республика Корея // Бюллетень иностранной коммерческой информации, № 106, 2006.
37. Государственные корпорации в современной России. Доклад экспертов Совета Федерации комитета по промышленной политике. М., 2008. <http://www.eg-online.ru/article/54375>.
38. Индекс экономической свободы – информация об исследовании. <http://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info>.
39. <http://www.heritage.org>.
40. <http://info.worldbank.org>.

The Russian version of technology platforms: innovation breakthrough or back to the former path?

L. V. Obolenskaya, PhD, leader research associate, Centre for Science Research and Statistics (CSRS).

The new great project of Russia that is called «technology platforms» is considered. The paper answers the question whether the domestic version of the technology platforms gives the innovation opportunities as the Pan-European model used for Russian decision making as a sample. The paper demonstrates the fact the drivers of the models life cycles differ significantly and each model has its own motivation basis. The substitution of initial drivers for Russian version results in the row of negative consequences and generates risks. Among them there are disruptions of innovation motivation loops, suppression of creative stimuli by corruption, imitation and monopoly rent opportunities. The result of the paper allows to understand whether the Russian version of the technology platform is a way to innovation breakthrough or backing to the past.

Keywords: technology platforms, drivers, risks, innovation loops, state-owned companies, administrative model, demand pull.
